
Глава 6

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!»

В Смольном известие о сенсационной декларации Троцкого и видимом признании ее Центральными державами было получено по прямому проводу около полуночи 28/29 января. Зиновьев тут же подготовил триумфальное заявление для прессы, которое, должно быть, озадачило журналистов не меньше, чем заявление Троцкого — представителей Центральных держав в Бресте. Когда заинтригованный корреспондент спросил его, что на практике означает фраза «ни войны, ни мира», Зиновьев уверенno объяснил, что смысл ее сводится к продлению перемирия. «Мы считаем, что Центральным державам на русском фронте не удастся наступать, ибо этого не пожелают трудовые массы», — сказал он и быстро добавил, что «не в интересах Германии и Австрии бесконечно аннексировать чужие территории» (1). Как вспоминал Штейнберг, «гордое умиротворение, омраченное беспокойством, опустилось на Петроград» (2).

На следующее утро весь Петроград гудел, возбужденный вестью о беспрецедентных событиях в Бресте. Экстренно собравшиеся по этому поводу центральные комитеты большевиков и левых эсеров одобрили шаг Троцкого (3). На заседании Петроградского Совета бывший член Военной организации большевиков, военный комиссар Михаил Лашевич безапелляционно заявил: «Немецкие войска не пойдут против тех, кто всему миру заявил о нежелании проливать братскую кровь» (4). Принятая на этом заседании резолюция «Об окончании войны», проект которой был внесен Зиновьевым, одобрила российскую позицию в Брест-Литовске, обратилась к рабочим Германии, Австрии, Болгарии и Турции с призывом помешать империалистическим державам учинить насилие над народами Польши,

Литвы и Курляндии, а также провозгласила создание новой, социалистической Красной Армии главной задачей дня. Впрочем, главной заботой Петросовета, что и отразила резолюция, было, похоже, не столько формирование новой армии, сколько привнесение хотя бы подобия порядка в тот, демобилизованный из старой армии, неуправляемый сброд, который многотысячными потоками устремился домой с фронта (5).

В петроградской прессе оценки сделанного Троцким шага были, как и следовало полагать, различными. Либеральные и умеренно-социалистические газеты, которые с самого начала настороженно относились к факту сепаратных переговоров с противником, назвали его катастрофой, не способной принести и без того уничтоженной, беззащитной России ничего, кроме новых испытаний, мучений и унижений. «Начало конца революции» увидел в этом акте Троцкого меньшевистский «Новый луч». Напротив, большевистские газеты приветствовали новости из Бреста с нескрываемой радостью. Судя по заголовку в «Красной газете», война была окончена:

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ

Мы живем на другой день после окончания войны... [Р]усский пахарь может вернуться к своей заждавшейся земле. Русский рабочий может вернуться в давно оставленный им город. Весь русский народ может теперь с удвоенной силой и энергией заняться устройством своей новой, вольной, свободной жизни (6).

Левоэсеровская пресса, как и большевистские издания, была склонна считать, что германское правительство уже не сможет возобновить наступление на Восточном фронте, как бы ему этого ни хотелось. «После такого заявления [как сделанное Троцким] трудно будет германскому штабу двинуть войска против России, потому что нельзя ничем будет оправдать это новое нашествие, и германский солдат будет знать, что он защищает только и только аннексионистские вожделения своей буржуазии», — писала 30 января газета «Знамя труда». «Теперь, когда мир сорван только волею делегации Центральных держав, теперь естественно, что революционное движение вспыхнет с новой силой» (7).

Конечно, для западных союзников, готовивших решающее весенне-летнее наступление на Западном фронте, перспектива прекращения военных действий на востоке определенно не сулила ничего хорошего. Так, за пару недель до заявления Троцкого британское Министерство иностранных дел направило в Петроград со специальной миссией опытного молодого дипломата, «доку» в российских делах, Роберта Брюса Локхарта. Главной задачей Локхарта было убедить Советское правительство поддержать союзнические военные усилия. Одновременно руководство военно-морских сил Великобритании дало поручение своему новому военно-морскому атташе в Петрограде, капитану Фрэнсису Кроуми, организовать эвакуацию военного имущества союзников из Балтийского региона. До этого своего назначения Кроуми был боевым офицером, командиром британской подводной флотилии, действовавшей совместно с русским флотом на Балтике (8). Став военно-морским атташе, он писал секретные донесения адмиралу Реджинальду Холлу, главе военно-морской разведки Великобритании. Однако никакого опыта шпионской или подрывной работы и даже дипломатической деятельности у Кроуми не было. В августе 1918 г. латышские офицеры, оказавшиеся информаторами ЧК, обманули его доверие и навлекли на британского военно-морского атташе подозрения в попытках свергнуть Советскую власть на северо-западе России. Возможно, его также предала Мария

Капитан Френсис Кроуми, британский морской атташе в Петрограде, на санной прогулке зимой 1917/1918 г. Слева — Мура Бенкендорф, предполагаемый информатор ЧК. *Фото любезно предоставлено Royal Navy Submarine Museum, Gosport.*

(Мура) Бенкendorf — привлекательная русская сотрудница британского посольства. Косвенные доказательства свидетельствуют, что Мура, ставшая любовницей Локхарта, была осведомителем ЧК (9). «Граммофон какой-то для всех гнусных сплетен в посольстве», — так писала она про Кроуми в письме к Локхарту (10).

Троцкий, Радек и Карелин вернулись в Петроград из Бреста в 5 часов утра 31 января. Троцкий сразу же отправился в Смольный, где кратко изложил Ленину содержание финальной стадии переговоров. В тот же день Троцкий и Карелин выступили также с докладами о переговорах на совместном заседании большевистской и ловоэсеровской фракций ВЦИКа и на заседании Совнаркома, а вечером следующего дня, 1 (14) февраля, ставшего первым днем нового российского календаря (11), — на специальной сессии полного ВЦИКа (12).

Троцкий подробно рассказал ВЦИКу о своей тактике в Бресте. Январская волна стачек в Германии и Австро-Венгрии на короткое время усилила российскую позицию на переговорах и ослабила германскую. Однако после подавления беспорядков германская делегация возобновила свои экспансионистские претензии с новой силой. Дальнейшему ослаблению позиции российской делегации на последних стадиях переговоров способствовали сепаратные действия украинской делегации, а также откровенные публикации в русской прессе о продолжающемся развале русской армии. После подписания 27 января (9 февраля) соглашения между Центральными державами и украинской делегацией стало ясно, что немцы от своих притязаний не отступятся, а, значит, затягивать переговоры больше невозможно. В этих обстоятельствах он, Троцкий, и сделал свое заявление.

С нескрываемым удовольствием описывал Троцкий потрясение, написанное на лицах участников переговоров с противоположной стороны, а также реакцию германских солдат из размещенной в Бресте особой части, которые постарались заверить его, что революционной России нечего бояться германского наступления. Даже их офицеры заявили, что никто и ничто не заставит их выступить против России. И хотя, предупредил Троцкий, полностью отметить возможность возобновления Германией военных действий нельзя, ему она кажется маловероятной. Он рассказал, что лично проехался по русским позициям на линии фронта и был потрясен царившими

в войсках хаосом и анархией. Поэтому он не разделял свойственной «левым коммунистам» иллюзии, что русские солдаты смогут защитить революцию от нападения, если оно случится. Он считал, что немедленная, открытая и всеобщая демобилизация продемонстрирует всему миру решительное и однозначное намерение Советской России покончить с войной и переложит бремя защиты русской революции, если в этом возникнет необходимость, непосредственно на плечи европейских революционных масс (13).

Карелин, выступая перед ВЦИКом, подчеркнул, что основной проблемой, стоявшей перед российской делегацией в Бресте, было не выставить напоказ грабительские условия, предложенные Центральными державами, что было несложно, а предъявить свои требования, которые не сводились просто к возврату к довоенному территориальному *status quo*. Суть была в том, что последнее не сочеталось с социалистическими принципами мира без аннексий и контрибуций и права наций на самоопределение вне зависимости от срока давности их подчинения — принципами, заявленными в Декрете о мире, принятом Вторым съездом Советов, и позже подтвержденными (14). Заявление Троцкого, по мнению Карелина, естественным образом вытекало из этой трудноразрешимой задачи. Позиция, занятая Россией в Бресте, привела к тому, что русская революция стала маяком для порабощенных народов во всем мире. Для иллюстрации этого Карелин описал дружеский прием, полученный им и Троцким в Варшаве, куда они отправились во время перерыва в переговорах. На массовом уровне прежняя враждебность к России сменилась уважением к русской революции. Признавая, что трюк с простым объявлением войны оконченной без подписания мирного договора содержит риск возобновления военных действий, Карелин, как и Троцкий, сомневался в том, что германские солдаты на Восточном фронте способны участвовать в наступлении (15).

Отвечая Троцкому и Карелину, Пумпянский, от лица эсеров, похвалил брестскую делегацию за то, что они не подписали сепаратный мирный договор, однако назвал результаты переговоров неудовлетворительными, поскольку фронт оказался открыт для германского вторжения. Вновь, как на Учредительном собрании, под насмешливые реплики и крики, он призвал к организации международной социалистической мирной конференции в Стокгольме и к

формированию, посредством Учредительного собрания, правительства единого народного фронта.

От левых эсеров выступал Штейнберг. Он высоко оценил успехи советской дипломатии и отметил, что трудащиеся Европы и Америки являются естественными союзниками революционной России, и теперь, благодаря Бресту, связи с ними станут крепкими, как никогда. Отвергнув призыв Пумпянского к повторному созыву Учредительного собрания, он, тем не менее, поддержал его идею немедленной организации социалистической мирной конференции в Стокгольме и прекращения ненужных политических распреяй внутри страны в качестве меры подготовки к возможному наступлению Центральных держав. Россия, считал он, должна быть готова защитить себя, а «для этого прежде всего необходимо прекратить ту гражданскую войну внутри демократии, которая раздирает страну на части».

Мартов выразил несогласие с мнением Троцкого, что позиция австро-германской стороны после Бреста оказалась слабее, чем была в начале переговоров. С его, Мартова, точки зрения, все указывает на обратное. Одобряя в душе формулу «ни мира, ни войны», он считал необходимым учитывать возросшую уверенность Центральных держав в своих силах в противостоянии с революционной Россией, а также, самое важное, создать условия, которые позволят всем российским гражданам принять участие в защите страны от германского вторжения.

В своем заключительном слове Троцкий, отвечая Мартову, заявил, что ответственность за предотвращение гибели России от рук германских империалистов лежит, в первую очередь, на народе Германии. Тем не менее, он согласился, что в случае необходимости, «мы будем вынуждены защищаться». Большевистская резолюция, принятая на этом заседании, одобрила позицию, занятую российской делегацией на мирных переговорах в Бресте, и выразила уверенность, что при поддержке социалистических рабочих всех стран австро-германские рабочие и солдаты доведут до победного конца борьбу против империалистов и узурпаторов, начавшуюся в Вене и Берлине. Предупредив об опасности вражеского окружения, в котором оказалась русская революция, резолюция подчеркнула, что создание добровольной социалистической Красной армии является одной из важнейших задач момента (16). Было также решено напра-

вить Каменева со специальной миссией в Великобританию и Францию — для разъяснения российской мирной политики и в поисках поддержки среди западноевропейских социалистов (17).

На следующий день (15 февраля) Троцкий выразил еще более твердую уверенность в том, что немцы наступать не будут. На вечернем пленарном заседании Петроградского Совета он определил степень вероятности германского наступления в 10% — против 90%, что его не будет (18). Отражением широко распространенного среди петроградских большевиков убеждения, что для России война закончилась и пора вплотную заняться внутренними проблемами, является тот факт, что в этот день Троцкий получил назначение руководить поставками и распределением продовольствия — на тот момент, самой грозной и сложной из внутренних проблем революционной России (19).

Троцкий и не догадывался, как скоро его прогнозу предстоит подвергнуться испытанию. На самом деле, решающие события, ставшие кульминационным моментом в борьбе между германскими военными и гражданскими властями по поводу того, как реагировать на декларацию Троцкого «ни войны, ни мира», произошли еще два дня назад (13 февраля) на заседании Коронного совета Германии. Дебаты вокруг политики в отношении революционной России завершились там принятием решения о проведении на Восточном фронте ограниченной наступательной операции. Цель этого наступления состояла в том, чтобы продвинуть германские позиции на восток, к Нарве и Пскову, а в более широком смысле — поставить большевиков на место. Начало наступления было назначено на 18 февраля (20).

Весть о том, что срок германского перемирия с Россией истекает в полдень 18 февраля, после чего восстанавливается состояние войны, достигла Смольного вечером 16 февраля (21). Когда принесли телеграмму, Троцкий был в кабинете Ленина на совещании, на котором, кроме него и Ленина, присутствовали Карелин и еще один левый эсер, коллега Карелина. Ленин, явно глубоко взволнованный, молча передал телеграмму Троцкому. Вспоминая этот эпизод в своих мемуарах, Троцкий писал, что Ленин быстро завершил совещание, выпроводил левых эсеров из кабинета и выпалил: «Все-таки они нас обманули... Эта зверюга своего не упустит» (22).

После того как Ленин напомнил Троцкому, что, согласно их договоренности, он должен поддержать немедленное подписание мирного договора, Троцкий ответил, что способность немцев реально начать наступление на Россию остается под вопросом. Возможно, поэтому какое-то время эта новость не была обнародована (23). О ней даже не поставили в известность ответственных за оборону страны высших военных руководителей и Совнарком (24). Только вечером 18-го, после того как русская разведка перехватила телеграмму, адресованную командующим германскими войсками на Восточном фронте, с указанием, что поскольку Троцкий нарушил перемирие, им предписывается возобновить наступательные действия, русские военные узнали о возникшей угрозе (25).

* * *

Новость о возобновлении германского наступления немедленно вернула в повестку дня спорный и болезненный вопрос о том, заключать или не заключать сепаратный мир с Центральными державами — вопрос, который, благодаря тактике Троцкого «ни войны, ни мира», был оставлен без ответа. Вспыхнувшие с новой силой дебаты по этому вопросу, характер которых постоянно менялся в связи с развитием событий на фронте и неопределенностью по поводу германских конечных намерений, бушевали фактически без перерыва с 17 по 24 февраля. Дебаты велись в прессе, в центральных комитетах большевистской и левоэсеровской партий, в Совнаркоме, в большевистской и левоэсеровской фракциях ВЦИК, на заседаниях ВЦИКа, Петросовета, ПК большевиков, Четвертой городской конференции петроградских большевиков, в петроградских районных Советах и районных комитетах большевиков, а также на фабриках, заводах, в солдатских казармах и матросских корабельных кубриках.

Дебаты начались поздно вечером 17 февраля на заседании ЦК большевиков. Среди опубликованных документов ЦК за этот период имеется таблица, показывающая, как участники заседания (всего присутствовало одиннадцать членов ЦК) голосовали по ряду вопросов о войне и мире. С точки зрения Ленина, самым важным из этих вопросов был первый: должно ли правительство предложить возоб-

новить мирные переговоры? — который для него означал согласие немедленно принять мир на германских условиях. В этом вопросе Ленин проиграл: пять человек ответили «да», шесть — «нет» (26). Не менее важным был последний вопрос: нужно ли заключать мир, если германское наступление станет реальностью, а революционных восстаний в Германии и Австрии не последует? Здесь Ленин одержал верх: Троцкий выполнил свое обещание и проголосовал за мир.

На следующее утро (18 февраля), незадолго до назначенного часа возобновления германского наступления, ЦК пересмотрел свою оценку развития ситуации. К тому моменту поступили сообщения о многочисленных признаках усиления германской военной активности в непосредственной близости от линии фронта. Вражеские аэро-планы были замечены над Двинском (находившимся в российской фронтовой полосе), и, судя по всему, готовился удар по крупнейшему балтийскому порту Ревелю. Германское радио настойчиво вещало о необходимости поставить заслон от угрозы «заразы» с востока. Но хуже всего, с точки зрения ЦК, было то, что нигде: ни среди германских войск на фронте, ни в германском тылу, — не было видно ни одного признака протеста. Наступление, однако, пока не началось. И, поскольку на обсуждение вероятных сценариев было потрачено достаточно много времени накануне, Свердлов предложил прервать заседание до тех пор, пока ситуация на фронте не прояснится. Ленин был против, и из уважения к нему было решено продолжить обсуждение, сосредоточившись исключительно на вопросе о том, стоит ли немедленно послать немцам телеграмму с предложением немедленного мира. В конце дискуссии, при голосовании по этому вопросу, ленинское требование без промедления принять германские условия мира опять потерпело поражение, недобрав один голос (27).

Это помогает объяснить поведение большевистских наркомов на заседании правительства, начавшемся ранним вечером 18 февраля и посвященном, главным образом, одному вопросу: как справиться с разразившимся военным кризисом (28). Помимо членов кабинета — большевиков и левых эсеров, на этом заседании, в тот или иной момент, присутствовали также представители Президиума ВЦИК, брестской мирной делегации и генеральных штабов «старой армии» и новорожденных Красной Армии и Флота. С перерывами, позво-

ляющими участникам посещать заседания центральных комитетов своих партий, это заседание Совнаркома растянулось на всю ночь и раннее утро. Дискуссия сосредоточилась, похоже, в основном на путях преодоления практически полного отсутствия у России регулярных вооруженных сил и способах самостоятельной защиты революции до прибытия помощи извне. Среди рассмотренных вопросов были немедленное объявление всеобщей мобилизации (признанное преждевременным по причине все еще ожидаемого «вмешательства» германского пролетариата или рейхстага); заключение оборонного соглашения с умеренно-социалистическими партиями (предложенное левыми эсерами и отвергнутое большевиками); возможность ведения партизанской войны (рассматривалась необычайно серьезно, поскольку «практически у всех есть оружие») и начало эвакуации из Петрограда (не рекомендованное, так как будет отвлекать от оборонных усилий).

Тем временем, сообщения о развертывании германского наступления становились все более тревожными. В считанные часы немцы захватили Двинск и Минск и теперь широким фронтом двигались к Петрограду. Хотя наступающие войска состояли из немногочисленных, насконо укомплектованных, нерегулярных частей, охваченные паникой русские солдаты не оказывали им ни малейшего сопротивления. Даже не пытаясь взрывать за собою железнодорожные пути и мосты, они опрометью бежали при первых же признаках приближения немцев. Меньше сотни германских солдат потребовалось, чтобы захватить Двинск.

Около полуночи в заседании Совнаркома был объявлен перерыв. Начавшееся вскоре после этого ночное заседание ЦК большевиков было назначено в последнюю минуту: одним из поводов, возможно, послужило ленинское нетерпение отправить телеграмму о согласии принять германские мирные условия, чтобы приостановить наступление немцев на Петроград. На этом, третьем за сутки, заседании ЦК Ленин беспрестанно призывал к немедленной капитуляции (29). «Теперь невозможно ждать, — настаивал он, — ибо положение определено вполне... Игра зашла в такой тупик, что крах революции неизбежен, если дальше занимать политику среднюю... Если бы немцы сказали, что требуют свержения большевистской власти, тогда, конечно, надо воевать; теперь никакие оттяжки дальше невозможны».

Заседание Совнаркома, январь 1918 г. Слева направо: И. З. Штейнберг, И. И. Скворцов-Степанов, Г. Ф. Федоров, В. Д. Бонч-Бруевич, В. Е. Трутовский, А Г. Шляпников, П. П. Прощян, В И Ленин, И. В. Сталин (стоит), А. М. Коллонтай, П. Е. Дыбенко (стоит), Е. К. Кокшарова, Н. И. Подвойский, Н. П. Горбунов, В. И. Невский, В. И. Шотман и Г. В. Чичерин.
Jonathan Sanders Collection.

Главным оппонентом Ленина на том заседании, как и вообще в течение всего брестского кризиса, был Бухарин, который, несмотря на молодость, не испытывал ни малейшей робости. Взяв слово, Бухарин заявил, что Ленин и те, кто ратует за мир чуть ли не любой ценой, просто поддаются панике, тогда как на самом деле ничего неожиданного не происходит. Империалистические силы твердо намерены подавить революцию, чтобы не допустить ее дальнейшего распространения. Теперь борьба неизбежна. По мнению Бухарина, «события развиваются так, как должны. Все, что сейчас случается, мы предвидели. Мы говорим, что либо русская революция развернется, либо погибнет под давлением империализма».

Ленин считал бухаринские аргументы безнадежной утопией. «Если мы не подготовлены [к революционной войне], мы должны подписать мир», — бушевал он. Даже если к первоначальным требованиям немцы «присоединят невмешательство в дела Украины, Финляндии, Лифляндии и Эстляндии, — то и это надо безусловно принять». Для Ленина это была цена выживания. Спасти революцию

в России как плацдарм мировой революции — вот единственное, что имело значение.

Соглашаясь с Лениным, что выступать против немцев с разношерстным сбродом, имеющимся в распоряжении Советского правительства, невозможно, Троцкий все еще надеялся на то, что европейские рабочие придут на помощь революционной России. На заседании ЦК ночью 18/19 февраля он предложил, явно с целью выиграть время, вместо немедленной капитуляции, направить Вене и Берлину ноты, с тем чтобы выяснить характер их требований. Судя по всему, Троцкий был уверен, что оглашение этих требований само по себе будет иметь пропагандистский эффект. Однако, когда стало ясно, что эта идея неприемлема для обеих сторон, он вновь выполнил свою часть сделки с Лениным, обеспечив ему при голосовании необходимый для перевеса голос. Семью голосами против пяти (при одном воздержавшемся) большевистский ЦК признал необходимым немедленно информировать германское правительство о готовности России подписать мирный договор. Ленину и Троцкому было поручено подготовить соответствующее послание. Короткое время спустя ЦК левых эсеров, в составе всего шести членов из пятнадцати, также проголосовал за мир и одобрил идею капитуляции, проект которой уже был подготовлен Лениным и Троцким (30).

Несмотря на все эти решения, в Совнаркоме, который возобновил свое заседание после перерыва, оппозиция Ленину существенно слабее не стала. Хотя настроение участников становилось все более мрачным по мере поступления сообщений о скорости продвижения германских войск, упор продолжал делаться на сопротивление (31). Под утро, когда вопрос о капитуляции впервые, по-видимому, был поставлен ребром, эта идея вызвала новый всплеск острых дебатов. Ленин, к которому теперь присоединился Троцкий, возглавил борьбу за немедленный мир. Штейнберг и Дыбенко выступили главными адвокатами революционной войны. Порой атмосфера в споре достигала такого накала, а расхождения между спорящими сторонами такой глубины, что одному обозревателю показалось, что дело неизбежно закончится отставками. Голосование, проведенное в конце заседания, когда число присутствующих наркомов постепенно сократилось до девяти, перевесом в один голос решило вопрос в пользу «немедленного мира» (32). После этого, без согласования с ВЦИКом,

Ленин и Троцкий немедленно отправили в Берлин радиограмму с сообщением о готовности Советского правительства подписать мирный договор на условиях, предложенных германской стороной в Брест-Литовске. (33).

Как реагировали на этот акт другие политические партии, помимо большевиков и левых эсеров? Узнав о германском наступлении, практически все они заявили о своей готовности забыть былье распри и объединиться для защиты страны от внешнего врага. Неудивительно, что их реакцией на сообщение о российской капитуляции, последовавшей спустя чуть более суток, была растущая волна негодования. В самых жестких выражениях кадетская, эсеровская и меньшевистская печать осудили принятие правительством германских условий мира и потребовали немедленного повторного созыва Учредительного собрания.

Для Ленина в категорическом неприятии его политики со стороны либеральных и умеренно-социалистических групп не было ничего неожиданного. Гораздо более тревожным и потенциально опасным был гневный протест, которым решение сдаться немцам без боя было встречено в рядах его собственной партии и в партии левых эсеров. То, что этот вопрос продолжает оставаться взрывоопасным, стало немедленно очевидно на заседаниях большевистской и левоэсеровской фракций ВЦИК, созванных во второй половине дня 19 февраля для выработки позиций по мирной политике правительства перед рассмотрением на вечернем пленарном заседании ВЦИКа. Помимо уже известных разногласий между требующими немедленного мира сторонниками Ленина и выступающими за революционную войну «левыми коммунистами» и между соответствующими левоэсеровскими группировками, на этих заседаниях фракций были высказаны серьезные претензии в адрес правительства по процедурным вопросам, связанным с уже обретшей недобрую славу радиограммой Ленина-Троцкого. Противников капитуляции из рядов обеих партий возмутило то, что решение по такому серьезному, фундаментальному политическому вопросу было принято Совнаркомом без кворума, перевесом всего в один голос и без ведома ВЦИКа. Даже Свердлов, обычно верно и послушно следующий за Лениным, выразил протест против отправления радиограммы без санкции ВЦИКа (34). Многочисленная левоэсеровская фракция была

так возмущена, что немедленно возобновила попытки добиться существенного усиления контроля за Совнаркомом и отдельными народными комиссарами со стороны ВЦИКа. Кроме того, хотя факт одобрения радиограммы Ленина–Троцкого левоэсеровским ЦК оставался фактом, многие левые эсеры были недовольны тем, что за все их руководство решение принял незначительная группка его членов (35).

Итак, центральным вопросом, вокруг которого ворчалась дискуссия на заседаниях большевистской и левоэсеровской фракций 19 февраля, был вопрос о том, нужно или не нужно объявлять недействительным послание Ленина–Троцкого и пересматривать всю проблему заново. Споры по этому вопросу и в той, и в другой фракции породили глубокие противоречия. Вначале позиции сторонников революционной войны (или, как предпочитали говорить левые эсеры, «восстания» против империализма) в левоэсеровской фракции были сильнее, чем у большевиков. Однако вечером накал борьбы в обеих фракциях был настолько высок, что большевистское руководство ВЦИКа, предвидя крайнюю проблематичность одобрения всем ВЦИКОм немедленной российской капитуляции и опасаясь почти неминуемой жестокой стычки, чреватой катастрофическими последствиями не только для правящей коалиции большевиков и левых эсеров, но и для существующей власти вообще, в последний момент отменило вечерний пленум. Он был заменен крайне редкой формой совещания — закрытым совместным заседанием большевистской и левоэсеровской фракций (36).

На этом заседании с двухчасовым докладом, в котором были собраны воедино все мыслимые аргументы в пользу немедленного мира, выступил Ленин. Однако его оппоненты во главе с Сергеем Мстиславским (от левых эсеров) и Карлом Радеком (от большевиков) остались не убеждены ленинскими доводами, и около полуночи две фракции, по сообщениям газет, разошлись на отдельные заседания, с антиленинистами во главе. Фракции заседали — с перерывами, то сходясь вместе, то снова расходясь — в течение ночи и всего следующего дня. Обе встречались за закрытыми дверями с Крыленко, который твердо стоял на необходимости заключать мир как можно скорее. Впрочем, встречи с ним, похоже, особого эффекта не имели. В тот момент ни та, ни другая фракция были не в состоянии достичь консенсуса (37).

Если для фракций большевиков и левых эсеров, заседавших в Таврическом дворце, девизом оставались неопределенность и непрерывные споры, за пределами дворца все было по-другому. Вскоре после возобновления германского наступления Петербургский комитет большевиков провел опрос мнений во всех районных комитетах партии. За исключением Выборгского райкома, где мнения разделились, подавляющее большинство членов районных комитетов были против капитуляции (38). Так случилось, что начало этого нового военного кризиса совпало с проведением в Петрограде Четвертой городской конференции РСДРП (б). Конференция, в которой приняли участие ПК и выборные представители от всех районных комитетов партии, открылась 17 февраля. К этому моменту в большевистской организации Петрограда насчитывалось, по оценкам, тридцать шесть тысяч членов; сокращение, по сравнению с началом года, составило около двенадцати тысяч человек (39). Однако это были приблизительные цифры; специально за колебаниями партийной численности — особенно связанными с непрерывным оттоком из Петрограда ветеранов партии, начавшимся сразу после захвата власти — никто не следил. К тому же, значительный процент старых большевиков, еще остававшихся в Петрограде, был занят на государственной и военной службе; их связи с партийной организацией, по практическим соображениям, были прерваны.

Чтобы компенсировать все эти потери, участники городской партконференции приняли новый партийный устав (40). Численность Петербургского комитета была сокращена с сорока с лишним членов, избираемых от всех районных комитетов на основе пропорционального представительства, до девяти членов, избираемых списком на ежеквартальных городских конференциях. Все шестнадцать районных комитетов больше не были представлены в ПК. Чтобы сгладить негативный эффект от этого изменения, новый устав предусматривал создание совершенно нового представительного органа — Делегатского совета, состоящего в основном из делегатов от районных комитетов партии, по одному от каждого пятисот членов. Предполагалось, что он должен заменить ПК в качестве самого авторитетного местного партийного органа в период между городскими конференциями. Одновременно или почти одновременно был создан новый совещательный орган, который даже не был упомянут в но-

вом уставе, — Собрание организаторов. Созываемый по усмотрению ПК, он состоял из платных ответственных организаторов от каждого района. Возможно, отчасти потому что ответственными организаторами нередко выбирали секретарей районных партийных комитетов, в их составе было непропорционально много увлеченных молодых женщин (41).

Если Собрание организаторов действовало довольно долгое время (42), то выборный Делегатский совет никогда не функционировал так, как было запланировано (43). В итоге, преобразование и сокращение петроградской партийной организации на Четвертой городской конференции петроградских большевиков видится, в ретроспективе, как серьезный шаг на пути к уничтожению той относительно широкой внутрипартийной демократии, которая была одним из основных источников силы большевиков в 1917 г. Впрочем, в контексте острого противоречия по вопросу о принятии германских условий мира, самым характерным моментом было то, что на городской партконференции, как и в Петербургском комитете, доминировали «левые коммунисты». Поэтому вполне естественно, что 20 февраля конференция обратилась к рассмотрению спорного решения правительства о немедленном мире (44). Выслушав доклады Ленина и Радека, представивших, каждый свою, точку зрения на вопрос о войне и мире, участники конференции даже не стали обсуждать их. Пренебрегши ленинским предупреждением о том, что цвет петроградского пролетариата падет жертвой в борьбе с немцами, конференция приняла резкую резолюцию, критикующую Центральный Комитет и требующую отмены решения Совнаркома о принятии германских условий мира (45).

Но самый, во многих отношениях, грозный протест против мирной политики Совнаркома содержался в заявлении — по сути, объявлении войны большинству большевистского ЦК — подписанном четырьмя членами меньшинства ЦК (Бухарином, Урицким, Ломовым и Бубновым) и еще семью известными деятелями партии (Яковлевой, Покровским, Смирновым, Пятаковым, Мечеславом Бронским и Андреем Спундэ). В своем заявлении они осудили усилия большинства ЦК, направленные на заключение мира на германских условиях, как наносящие «удар делу международного пролетариата, особенно жестокий», которые «сведут на нет работу социалистиче-

ского строительства, проделанную пролетариатом со времени Октябрьской революции». С точки зрения Ленина, наибольшую тревогу представляло декларированное авторами заявления твердое намерение агитировать среди членов партии против мирной политики большинства, с тем чтобы изменить ее на ближайшем съезде партии (46).

Такие же бунтарские, направленные против мира, резолюции были приняты в это же время ЦК и местными партийными комитетами левых эсеров. Самое главное, что 20 февраля протест против сепаратного мира выразило твердое большинство ЦК левых эсеров, тем самым отказавшись от своей позиции, занятой на заседании ночью 18/19 февраля. Отличавшаяся надежностью газета «Новая жизнь» сообщала, что настроения против принятия сепаратного мира на заседании 20 февраля были настолько сильны, что большинство выразило готовность немедленно порвать с большевиками, если Ленин и Троцкий не аннулируют свою капитуляцию (47).

Вскоре после поворота на 180 градусов в позиции ЦК левых эсеров, консенсус в пользу революционной войны был достигнут и в левоэсеровской фракции ВЦИКа (48). Более того, примерно в это же время равновесие сил, установившееся в большевистской фракции ВЦИКа, по-видимому, под воздействием событий на Петроградской городской партийной конференции, также качнулось, и даже в большей степени, в сторону «левых коммунистов» (49).

* * *

Росту воинственности в обоих — большевистском и левоэсеровском — лагерях в первые дни после отправления капитулянтской телеграммы Ленина-Троцкого способствовал тот факт, что германское правительство явно не спешило на нее отвечать. Германские войска продолжали наступать широким фронтом, захватывая город за городом, вдоль стратегически важных железнодорожных путей на Ригу, Ревель и Псков. Очень скоро и сам Петроград оказался перед неминуемой угрозой нападения, к которому он ни в психологическом, ни в военном отношении не был готов.

Весть о германском наступлении захватила Советское правительство и руководство Наркомата по военным делам врасплох. Осознавая как никто другой (за исключением, возможно, Ленина), насколько уязвима Россия, военные руководители в первые дни после объявления Троцким «ни мира, ни войны», похоже, продолжали изо всех сил надеяться, что немцы не захотят вмешиваться. Попытки привнести какое-то подобие порядка в процесс демобилизации старой армии и начать формирование новой, социалистической Красной армии успеха не имели. В мемуарах, написанных много лет спустя, Ильин-Женевский вспоминал, что он чувствовал в эти дни тревожного ожидания: «Каждый новый, мирно проведенный день вливал новые надежды. И вдруг, словно среди ясного неба, ударил гром. Немцы перешли в наступление и с невероятной быстротой устремились на Петроград». «Мне никогда не забыть, — продолжал он, — того гнетущего, тяжелого настроения, которое охватило тогда наши партийные и советские ряды... Многим казалось, что теперь все погибло, что мы будем раздавлены вооруженной мощью германского империализма, и Советская республика должна будет превратиться в германскую колонию». Не все сумели справиться с охватившим их отчаянием, и одной из первых жертв его стала жена Ильина-Женевского. 20 февраля она застрелилась (50).

Ночью 19/20 февраля Совнарком обсудил возможности организации обороны и ведения революционной войны на случай, если это станет необходимым (51). По сообщениям в прессе, эта дискуссия велась не столько вокруг возможности ведения оборонительных действий, в традиционном смысле слова, сколько вокруг шансов на выживание, до тех пор пока германский пролетариат не сможет нанести германскому империализму «удар с тыла». Кроме того, ввиду очевидного провала, который терпела в столкновениях с германскими войсками российская сторона, состоящая из остатков старой армии, красногвардейцев и наспех собранных частей Красной армии, вновь всплыл вопрос об уместности стратегии партизанской войны (52). Успешные наступательные действия нерегулярных сил Антонова-Овсеенко на Дону, без сомнения, говорили в пользу этой идеи.

20 февраля Совнарком заслушал доклады Крыленко и Василия Альтфатера (заместителя начальника штаба военно-морских сил) о нарастании хаоса на фронте и принял программу мер, рассчитанных

на крайний случай и предусматривающих мобилизацию населения Петрограда на защиту столицы, создание финансового резерва и эвакуацию из города граждан, не годных к военной службе. Также на случай чрезвычайного положения, по инициативе левых эсеров, Совнарком избрал Временный исполнительный комитет в составе Ленина, Троцкого и Сталина — от большевиков и Карелина и Пропшьяна — от левых эсеров, который должен был действовать от имени правительства между заседаниями Совнаркома (53).

Трехчасовое чрезвычайное пленарное заседание Петроградского Совета, состоявшееся в Смольном ночью 21/22 февраля, продемонстрировало дилемму, которую предстояло разрешить большевикам, выступающим за немедленный мир: с одной стороны, им нужно было учитывать все убывающую вероятность того, что немцы еще могут согласиться на приемлемые условия мира, а с другой, вести мобилизацию рабочих, солдат и крестьян на борьбу с врагом, которая, чем дальше, тем больше виделась как смертельная схватка за выживание революции (54). Созывая этот пленум, Зиновьев прежде всего рассчитывал добиться его поддержки для принятия германских мирных условий. Позиция большевистской фракции Петросовета по этому вопросу сформировалась в ходе острых дебатов на заседании фракции, которое длилось настолько дольше запланированного, что из-за него пленум задержался на два с лишним часа. Обладавшая пока еще существенной партийной автономией и свободой от внешнего контроля, фракция не была связана в выборе позиции ни решением ЦК, с минимальным перевесом проголосовавшего за мир 18/19 февраля, ни приверженностью революционной войне, громогласно провозглашенной городской партконференцией 20-го. Зиновьев с помощью Лашевича приложил значительные усилия, чтобы подтолкнуть фракцию к ленинской точке зрения. Радек и Рязанов, отстаивавшие позицию «левых коммунистов», призвали коллег воздержаться от одобрения радиограммы Ленина–Троцкого и потребовать от Совнаркома и ВЦИК, чтобы они прекратили заигрывать с немцами и сосредоточились на обороне. Судя по аплодисментам, симпатии фракции были на стороне Радека с Рязановым. Однако результат голосования был в пользу Зиновьева и Лашевича. Это решение являлось обязательным для всех членов фракции; пока собравшиеся расходились, Зиновьев не переставал твердить им об этом (55).

Зиновьев открыл пленарное заседание долгой и пылкой речью в защиту действий правительства (56). «К стыду нашему, приходится сознаться, — говорил он откровенно, — что солдаты не оказывают почти никакого сопротивления. Имеются сведения, что в некоторых случаях *безоружные* немецкие солдаты разгоняли сотни наших солдат» [курсив оригинала — A. P.]. В то же время, утверждал он, если немцы не дадут России мирную передышку, у нее не останется иного выбора, кроме как защищать революцию «до последнего человека и последней пули». На протяжении всей своей речи Зиновьев метался между этими двумя, тактически несогласимыми, позициями: абсолютной необходимостью мира, с одной стороны, и превосходящей все прочие соображения важностью защиты революции, с другой. Зиновьев сделал особый упор на последней, громко объявив «Социалистическое Отечество в опасности!» — звучный призыв к защите революции, опубликованный ранее днем в советских газетах.

Крыленко, основываясь на документально подтвержденных данных, продолжил рисовать картину растущей катастрофы на фронте и ее возможных экономических последствий. Он обрисовал состояние крайнего хаоса, охватившего значительную часть железнодорожной сети страны, не способной справиться с перевозкой миллионов бегущих с фронта солдат. Если эту человеческую волну каким-то образом не остановить, утверждал он, голод в Петрограде станет неизбежным, и всякая возможность построения социализма будет утрачена, независимо от успешности или неуспешности попыток положить конец войне. Крыленко призвал немедленно отобрать и отправить на фронт большое количество агитаторов из числа самых опытных и надежных петроградских рабочих и солдат. Если этим агитаторам удастся восстановить хотя бы видимость порядка в войсках, заверил он, это ослабит углубляющийся продовольственный кризис и облегчит защиту Петрограда, если в том возникнет необходимость (57).

После выступлений Зиновьева и Крыленко представителям всех фракций Петросовета было дано время, чтобы представить свои позиции. С соответствующими резолюциями выступили Михаил Левинсон — от левых эсеров и Ефрем Берг — от эсеров и меньшевиков. Резолюция Левинсона, которая содержала требование аннулировать послание Ленина—Троцкого и мобилизовать все силы страны на борьбу с немцами, подтолкнула Зиновьева сделать выговор

левым эсерам за нарушение единства рядов революции «в один из самых критических ее моментов». Представленная Бергом совместная резолюция эсеров и меньшевиков потребовала немедленно назначить новое, представительное правительство, объявить «второе сидение» Учредительного собрания и созвать международную социалистическую мирную конференцию.

От большевиков резолюцию представил Антон Слуцкий. В ней в полной мере отразилась стоящая перед партией тактическая дилемма. После одобрения телеграммы Ленина–Троцкого резолюция выразила уверенность, что немцы вознамерились попытаться сокрушить революцию. В связи с этим резолюция призвала петроградских рабочих и солдат «немедленно встать на защиту социалистической России и ее революционной столицы». Резолюция предусматривала создание Комитета революционной защиты Петрограда, призванного координировать и направлять оборонные приготовления (58). Наконец, она призвала районные Советы формировать группы агитаторов для отправки на фронт, чтобы попытаться упорядочить процесс демобилизации. Все три резолюции были поставлены на голосование, и большевистская резолюция победила. Дополнительно был согласован состав Комитета революционной защиты Петрограда, и ему было передано большинство функций, связанных с руководством оборонными приготовлениями (59).

* * *

В десять часов вечера 21 февраля, в тот самый момент, когда Петроградский Совет приступил к рассмотрению мирной политики Совнаркома, Свердлов созвал наконец долго откладываемое заседание ВЦИКа — формально, чтобы обсудить тот же вопрос (60). Для исследователя крайне важно не забывать о различиях в политической значимости и характере двух этих заседаний. Особенно нужно учитывать то, что в Петросовете конфликт между левыми эсерами и большевиками по вопросу о войне и мире хотя и был, без сомнения, нелегким, большевики-ленинцы там были в большинстве. Во ВЦИКе же подобные разногласия могли запросто привести к расколу большевистско-левоэсеровской коалиции и даже, не исключено, к паде-

нию ленинского кабинета, поскольку на этом заседании, отчасти благодаря отсутствию многих «левых коммунистов», перевес был явно на стороне левых эсеров (61). Человеком, на котором лежала главная ответственность за недопущение потенциально летального раскола, был искусный тактик Свердлов. Как никто другой в партии, понимавший всю взрывоопасность вопроса о мире, а также ощущавший растущее во ВЦИКе недовольство Совнаркомом за сепаратные действия последнего в деле с телеграммой Ленина–Троцкого, Свердлов решил отложить заседание ВЦИКа до тех пор, пока страсти поулягутся. Кроме того, он, по-видимому, приложил значительные усилия, чтобы убедить Ленина в возможных серьезных последствиях этого недовольства, и взял с него обязательство, что в дальнейшем, вне зависимости от германского ответа, Совнарком не будет действовать в мирных переговорах в одиночку, без предварительной консультации с ВЦИКОм (62).

То, что даже Ленин к моменту, когда Президиум ВЦИКа собрался для обсуждения плана вечернего заседания, начал смиряться с мыслью о неизбежности обороны, работало на Свердлова. Как только члены Президиума (все большевики и левые эсеры) убедились в том, что в дальнейшем в принятии решений по мирному вопросу прерогативы ВЦИКа будут соблюдены, они разработали повестку дня и процедурные ходы, которые должны были обезопасить заседание от серьезного накала страстей. В частности, было решено, что заседание начнется с вступительного доклада Свердлова о положении дел в мирном процессе. Затем участников заседания попросят отбросить политические разногласия и принять резолюцию Президиума, формально одобряющую мирную политику правительства и выражаяющую уверенность в том, что все рабочие, солдаты и крестьяне как один встанут на защиту «социалистической Советской власти от всяких на нее покушений» (63). Спасение социалистической революции от внешних и внутренних врагов — вот, что должно было стать лейтмотивом заседания.

Таков, по-видимому, был план, и он сработал как нельзя лучше. Хотя Свердлов в своем вступительном докладе не исключил полностью возможности позитивного ответа немцев на послание Ленина–Троцкого, было очевидно, что он разделяет преобладающее неверие в такое развитие событий. Затем он вслух зачитал перечень уже

изданных Совнаркомом призывов к борьбе с врагом (в том числе «Социалистическое Отечество в опасности!»). Эта декламация была призвана, во-первых, продемонстрировать, что правительство, несмотря на все усилия достичь скорейшего мира, твердо намерено защищать революцию, а во-вторых, придать собранию атмосферу нависшей военной угрозы. Затем Свердлов объявил, что, по согласованию с Президиумом, он не будет открывать дискуссию, так как «каждый из членов Ц.И.К. в достаточной степени обдумал и обсудил создавшееся положение вещей», а предложил сразу, без промедления, принять резолюцию с одобрением политики правительства и призывом к защите революции. Тщетно меньшевик-интернационалист Рафаэль Абрамович возмущался, что в резолюции, предложеной Президиумом, не нашел отражения ни один из вопросов о войне и мире, требующих немедленного прояснения, и вопрошал, почему вот уже два дня высшему органу власти страны не позволяют высказаться, и вообще, почему «оппозиции» все еще затыкают рот (64). Из 150 членов ВЦИКа только шестеро проголосовали против резолюции Президиума — все, кроме одного, умеренные социалисты (65). На этом долгожданное заседание ВЦИК завершилось. Оно продолжалось менее часа.

* * *

Ночью 22/23 февраля радиостанция в Царском Селе, используемая советскими властями для особо важных трансляций, так как это было самое надежное в петроградском регионе средство дальней связи, приняла два сообщения от Георгия Чicherина, главы российской делегации в Бресте. В первом Чicherин информировал Совнарком, что германский ответ на российское предложение мира передан советскому курьеру, который везет его в Петроград. Второе было адресовано Троцкому и ставило его в известность, что Австро-Венгрия с союзниками собирается завершить мирные переговоры (66). Германские условия прибыли в 10:30 утра, и, несмотря на жесткость, едва ли явились сюрпризом для Ленина. В дополнение к тем требованиям, которые немцы уже выдвинули в Бресте, они настаивали, чтобы Россия отказалась от контроля над Ливонией и Эстонией;

покинула территорию и признала независимость Финляндии, Украины и Грузии; немедленно демобилизовала старую русскую армию, новую Красную армию и Красную гвардию; интернировала или разоружила российский флот; восстановила торговый договор 1904 г. и, в итоге, выплатила внушительную контрибуцию; а также воздержалась от распространения революционной пропаганды на территориях, принадлежащих Центральным державам. На раздумье советскому правительству давалось сорок восемь часов. Положение усугублялось тем, что к моменту прибытия условий больше половины этого срока уже прошло (67).

Можно только догадываться, какие мысли промелькнули в голове Ленина, пока он осмысливал новые германские условия. Может быть, он испытал облегчение от того, что они не оказались еще более жесткими? В конце концов, они были близки к тем, которые он был готов принять, когда доказывал необходимость немедленного заключения мира на заседании ЦК 18/19 февраля. С другой стороны, те несколько дней, которые прошли с начала германского наступления, показали, насколько сильно и глубоко у части, если не у большинства, его соратников нежелание склониться перед германским империализмом. Бессспорно, трудно найти лучший пример проявления легендарной ленинской твердости и силы воли, чем его яростное стремление преодолеть сопротивление оппонентов в этот критический момент в истории большевизма и русской революции.

На карту в этот исторический момент было поставлено так много, что этого не могли не понимать члены большевистского ЦК, собравшиеся днем 23 февраля, чтобы обсудить новые германские условия. Обсуждались два диаметрально противоположных рецепта выживания революции. При этом каждая из сторон в готовой разразиться внутрипартийной битве была уверена, что политика, предлагаемая оппонентами, равнозначна самоубийству.

Краткая, механическая протокольная запись с этого заседания выглядит особенно контрастирующей с действительностью (68). «Товарищ Свердлов оглашает германские условия», — записывает секретарь. Почти тотчас же Ленин выкладывает карты на стол. В протоколе читаем: «Товарищ Ленин считает, что политика революционной фразы окончена. Если эта политика будет теперь продолжаться, то он выходит из правительства и из ЦК. Для революционной войны

нужна армия, ее нет. Значит, надо принять условия». «Левые коммунисты» сразу поняли, что ленинская угроза отставки не является ни привычной оговоркой, ни блефом, и что если германские условия не будут приняты, им придется взять на себя ответственность за управление Советской Россией и за ведение борьбы не только против германского империализма, но и русской буржуазии и той части пролетариата, которая шла за Лениным. Ленин приложил все усилия, чтобы сомнений на этот счет ни у кого не осталось.

Один за другим, члены ЦК высказывали свое отношение к принятию мирных условий. «Выводы В.И. [Ленина] далеко не убедительны», — декларировал Троцкий. Зиновьев возразил Троцкому, указав: «По опыту последних дней ясно, что нет энтузиазма... Мы теперь подведены к тому, чтобы принять предложение [немцев]». Бухарин камня на камне не оставил от германских условий, добавив, что они «николько не оправдывают того прогноза, который был дан Лениным [насчет возможности мирной передышки для подготовки к революционной войне]». Stalin занял сторону Ленина. «Либо передышка, либо гибель революции — другого выхода нет», — вставил он. Свердлов и Сокольников дали ясно понять, что они будут голосовать вместе с Лениным, Зиновьевым и Сталиным. Урицкий и Ломов не менее откровенно продемонстрировали, что они решительно против подписания этих мирных условий и будут голосовать соответствующе. Урицкий убеждал, что «Советская власть не спасется подписанием этого мира». Ломов был не согласен с Зиновьевым и его оценкой настроения масс. «Паники той, о которой здесь говорят,... нет, — считал он. — Можно многое сделать у нас [в смысле организации обороны]».

Ломов был единственным из «левых коммунистов», кого не испугала возможность идти вперед без Ленина. «Если Ленин грозит отставкой, то напрасно пугаются, — утверждал он. — Надо брать власть без В.И. [Ленина]». Но многие «левые коммунисты» явно не были столь решительно настроены. Это касалось Дзержинского, Крестинского, Иоффе и Троцкого. Троцкий не согласился с Лениным, что революция обречена, если германские условия не будут подписаны. Напротив, он выразил уверенность, что организация обороны дело вполне осуществимое и в международном плане плодотворное — при условии, что партия едина. Но, поскольку этого нет, ведение революционной войны невозможно.

Непосредственно перед тем, как вопрос о германских условиях был поставлен на голосование, Бухарин предпринял еще одну атаку на них, но потерпел поражение. Результат голосования был таков: семь голосов за принятие условий (Ленин, Стасова, Зиновьев, Свердлов, Сталин, Сокольников и Смилга), четыре против (Бубнов, Урицкий, Бухарин и Ломов) и четыре воздержавшихся (Троцкий, Крестинский, Дзержинский и Иоффе). В письменном заявлении, зачитанном Крестинским сразу после голосования, воздержавшиеся объяснили свою позицию тем, что хотя они и против подписания мира, раскол в партии, которым грозит Ленин, они считают потенциально еще более катастрофичным (69). От имени тех, кто голосовал против, выступил Урицкий. В заявлении, подписанном Урицким, Бухарином, Ломовым и Бубновым, а также присоединившимися к ним Яковлевой, Пятаковым и Смирновым, подчеркивалось, что большинство членов ЦК выступили против капитуляции перед немцами. Авторы также предложили подать в отставку со своих высоких партийных и правительственные постов, с тем чтобы иметь развязанными руки для ведения агитационной кампании против договора как внутри партии, так и за ее пределами (70). Было очевидно, что в первую очередь «левые коммунисты» стремятся заблокировать принятие условий договора большевистской фракцией ВЦИКа и ВЦИКом вообще. Для Ленина опасность ситуации крылась не только в дополнительном риске, что «левые коммунисты» сумеют одержать верх в партийной фракции ВЦИКа и, объединившись с левыми эсерами, меньшевиками и правыми эсерами, — во всем ВЦИКе. Отставки «левых коммунистов» в сложившихся условиях могли привести к расколу в партии и, почти наверняка, ускорить распад большевистско-левоэсеровской коалиции.

Поэтому Ленин был готов пойти почти на все, чтобы удержать «левых коммунистов» от решительных шагов. В начале этой части заседания, когда Ломов спросил Ленина, позволит ли тот левым агитировать против мира, Ленин тут же ответил утвердительно. Более того, он не стал возражать, когда Свердлов, ближе к концу дискуссии, молча согласился с условием Урицкого, обещавшего не подавать пока в отставку, если ему и его коллегам будет предоставлена полная свобода агитировать и даже голосовать против мирного договора во ВЦИКе. Позже Ленин предложил «левым коммуни-

стам» покинуть зал во время голосования по мирному вопросу во ВЦИКе, однако не настаивал на этом. В итоге, негласно сойдясь на том, что вопрос об отставках откладывается до завтра, когда он будет рассмотрен более обстоятельно, ЦК приступил к обсуждению планов на совместное заседание большевистского и левоэсеровского ЦК, совместное заседание их же фракций во ВЦИКе, а также совместное пленарное заседание ВЦИКА и Петросовета (все они должны были состояться, одно за другим, в Таврическом дворце сразу по окончании заседания ЦК). В конце заседания Ленин набросал записку для радиста в Царском Селе с предупреждением быть готовым передать радиограмму германскому правительству до семи часов утра — времени истечения срока германского ультиматума (71).

* * *

Совместное заседание большевистской и левоэсеровской фракций ВЦИКА началось в одиннадцать часов вечера 23 февраля новым пугающим докладом о положении с бегством русских солдат с фронта и отчаянным призывом Крыленко немедленно сдаться. Замечания Крыленко были встречены криками протesta со стороны левых эсеров, которые считали нарисованную им картину однобокой. Кто-то из присутствующих крикнул: «А где наш флот?» — на что Раскольников, сделав отчаянный жест рукой, ответил: «Флота нет... Матросы бегут домой, бросая свои корабли неприятелю» (72).

Предполагалось, что от каждой фракции выступят только два докладчика: один с речью в поддержку мира, другой против. Дискуссия не дозволялась. От фракции большевиков в защиту мира выступал Ленин, против — Радек (73). Левые эсеры отказались выставлять докладчика в защиту мира: как настойчиво подчеркивал Камков, в его фракции все единодушно были против принятия германских условий мира. В итоге, единственным выступающим от левых эсеров оказался Штейнберг, пылкий сторонник революционной войны. Никакого голосования на этом заседании фракций не проводилось, так как левые эсеры уже решили для себя, что они не принимают новые германские условия, а большевистская фракция их еще не обсуждала.

Поскольку время поджимало, последовавшее за совместным отдельное заседание большевистской фракции Свердлов начал с предложения обойтись без дискуссии по поводу, принимать или не принимать германские условия, а сразу перейти к голосованию. «А вопросы можно задавать?» — осторожно поинтересовался кто-то из членов фракции. «Можно», — ответил Свердлов. И тут-то, по свидетельству Л. Ступоченко, принимавшей участие в этом заседании, «начался один из самых интересных разговоров, какие я когда-нибудь слышала». Противники мира забросали Ленина вопросами, «один другого ехиднее» (74). Атаку возглавил Юрий Стеклов. Когда, наконец, дело дошло до голосования, ленинская позиция получила семьдесят два голоса против двадцати пяти, отданных за «левых коммунистов» (75). «Левых коммунистов» поджидал еще один удар: когда Стеклов предложил считать это решение необязательным для членов фракции, с тем чтобы на заседании ВЦИК они могли голосовать по совести, как это было негласно принято в ЦК, это предложение не прошло (76).

Ввиду всех этих предварительных обстоятельств, Свердлов смог созвать заседание ВЦИК только в три часа ночи (77), когда до истечения срока германского ультиматума оставалось всего четыре часа. Используя это как оправдание, Свердлов, от имени Президиума, предложил собравшимся следующую программу: сначала заслушать германские условия мирного договора и 15-минутный доклад представителя Совнаркома, затем дать слово представителям фракций — по одному от каждой — чтобы они представили позицию своей группы в вопросе о том, принимать или нет германские условия, а затем провести голосование. Это предложение было принято, что, в итоге, начисто лишило «левых коммунистов» возможности хотя бы заявить свою позицию.

После зачтения Свердовым германских мирных условий слово взял Ленин как глава Совнаркома. Пожалуй, самым примечательным моментом в этой процедуре было то, что новые мирные условия не только не были приняты, но даже не рассматривались кабинетом. По сути дела, ленинская речь выражала его и только его взгляды на подписание мира. Всего на заседании обозначились три позиции по мирному вопросу (1): позиция большевистского большинства, представленная Лениным и Зиновьевым; (2) позиция левых эсеров,

представленная Камковым; и (3) позиция меньшевиков-интернационалистов, эсеров и объединенных социал-демократов интернационалистов, представленная, соответственно, Мартовым, Михаилом Лихачом и Гавриилом Линдовым.

Выступления Ленина и Зиновьева в комментариях не нуждаются. Оба не добавили ничего нового к уже сказанному ими раньше (78). Речь Камкова обнажила глубину трещины, возникшей в союзе большевиков и левых эсеров из-за расхождений по мирному вопросу. Он ясно и убедительно изложил аргументы в пользу продолжения борьбы и отверг ленинские обвинения в том, что противники мира-де отказываются признать неприятную правду и ведут себя безответственно. В противовес утверждению Ленина, что альтернативы подписанию мира нет, Камков настойчиво доказывал, что все надежды на спасение русской революции как социалистической революции связаны с категорическим отказом от принятия новых германских условий и провозглашением всеобщего «восстания» против мировой буржуазии, даже если это будет означать времененную, до победы революций в Центральной Европе, утрату Петрограда и значительных территорий страны (79).

Мартов считал, что германские мирные условия являются доказательством того, что их принятие обречет русскую революцию на скорую гибель. Идею мирной «передышки», бывшую краеугольным камнем ленинских построений относительно выживания революции в России, он назвал «самообманом». Как выразился Мартов, германские условия практически гарантируют, что «на второй день по подписании этого мира, Советская власть в Петрограде будет пленницей немецкого правительства». «Вы должны понять и, понявши, сказать, можно ли покупать этой ценой существование Советской власти», — добавил он. По мнению Мартова, приемлемых путей было только два: сражаться в надежде победить или, если победа невозможна, сражаться, чтобы умереть с честью, как поступили парижские коммунары. Он дал понять, что, с его точки зрения, ситуация не выглядит безнадежной — что разумной стратегией могло бы стать отступление вглубь России и организация оттуда обороны, основанной на единстве всех жизненных сил революции. Что касается крайнего решения, принятия которого так добивается Ленин, а именно, немедленной капитуляции, то оно, по мнению Мартова, никакое не

решение, а рецепт катастрофы (80). Тот же акцент на неприемлемости германских мирных условий и необходимости попытаться противостоять немцам, каким бы трудным это противостояние ни было, был характерен и для выступлений Лихача и Линдова (81).

Во время этих выступлений представителей оппозиции Ленин стоял на трибуне, рядом с председательским местом, нервно ожидая начала голосования. Все указывало на то, что голоса разделятся практически поровну. Опять из-за отсутствия чрезвычайно большого количества членов, в том числе многих «левых коммунистов», у большевиков не было большинства на этом собрании, насчитывавшем примерно 230 участников (82). Даже если бы все присутствующие «левые коммунисты» подчинились бы партийной дисциплине, как того требовало большинство фракции, и проголосовали за принятие германских мирных условий, Ленину все равно понадобилась бы помочь других фракций, чтобы это решение победило. Между тем, в кулуарах противники Брестского мира из числа левых эсеров прилагали максимум усилий, чтобы привлечь на свою сторону «левых коммунистов» (83). По договоренности, голосование проходило в два этапа: предварительное голосование, где фиксировалось число поднятых мандатов, а затем сразу же поименное. Сначала Свердлов попросил поднять мандаты тех, кто за принятие мира. Результат — 112 — оказался на грани риска. Затем проголосовали те, кто против и воздержался, — 86 и 22, соответственно. Кто-то из солдат-большевиков зааплодировал; это вызвало гневную реакцию Штейнберга, который закричал и забарабанил кулаками по ограждению правительской ложи, в которой сидел (84).

В 4:30 утра, за два с половиной часа до истечения срока германского ультиматума, Ленин обрел право действовать. Когда он торопился на заседание Совнаркома, чтобы получить одобрение текста ответного послания германскому правительству, во ВЦИКе началось поименное голосование. Один за другим, члены ВЦИКа поднимались на трибуну, чтобы огласить свою позицию. Умеренные социалисты и левые эсеры зааплодировали, когда, в числе первых, Бухарин проголосовал против мира (85). Говорили, что Луначарский, проголосовав «за», заплакал. Итоги поименного голосования лишь слегка отличались от предварительных: 116 «за», 85 «против», 26 воздержавшихся. «Пятью голосами Россию продать нельзя!» —

выкрикнул кто-то из задних рядов. Среди воздержавшихся было 22 левых эсера — сторонников мира. Им Ленин, несомненно, был многим обязан. В рамках соблюдения партийной дисциплины, проголосовали за мир и некоторые наиболее активные «левые коммунисты» из Петербургского комитета, в том числе Бокий, Володарский, Ко-сиор и Равич. Рязанов и Иосиф Пятницкий, вслед за Бухариным, нарушили партийное единство и проголосовали против мирного договора. Коллонтай, Дзержинский, Крестинский, Иоффе, Бубнов и Урицкий оказались среди тех «левых коммунистов», которые на заседание не явились (86).

Около семи часов утра 24 февраля радиостанция в Царском Селе передала в Берлин, что «согласно решению, принятому Центральным Исполнительным Комитетом... Совет Народных Комиссаров постановил условия мира, предложенные германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск» (87).

* * *

После того как Троцкий провозгласил свое «ни войны, ни мира» в Брест-Литовске, многие в революционном Петрограде, хотя и, разумеется, не все, праздновали «конец войны». Даже Троцкий был уверен, что его гамбит удался. Однако 18 февраля немцы в ответ возобновили наступление на русские позиции, намереваясь продвинуть линию фронта значительно ближе к Петрограду.

Это нападение спровоцировало новый виток дебатов о сепаратном мире в большевистском руководстве. Сначала большинство ЦК партии, так же как и Совнаркома, выступало решительно против немедленной капитуляции, на которой настаивал Ленин, предпочитая подождать и посмотреть, как будет реагировать на действия Германии европейский пролетариат. Однако развал русской армии на фронте шел такими быстрыми темпами, что уже в ночь на 19 февраля Троцкий своим голосованием обеспечил Ленину необходимый перевес, чтобы провести решение о принятии германских мирных условий через большевистский ЦК. Той же ночью и с таким же минимальным перевесом решения о немедленном мире были приняты малочисленными собраниями ЦК левых эсеров и Совнаркома,

и Ленин с Троцким отправили свое злополучное «капитулянтское» послание в Берлин.

После этого конфликт в обоих лагерях — большевистском и левоэсеровском — по вопросу о сепаратном мире разгорелся с новой силой. Так, Петербургский комитет большевиков не переставал остро критиковать мирную политику партии и правительства. В этом ключе Четвертая городская конференция петроградских большевиков, посвященная организационным реформам (вызванным необходимостью компенсировать внушительные кадровые потери организации и сохранить, хотя бы частично, демократизм принятия партийных решений), осудила позицию ЦК и потребовала отмены решения Совнаркома о принятии германских условий.

Между тем, немцы продолжали стремительно наступать, и очень скоро над Петроградом нависла зримая угроза вражеской оккупации. Эта суровая реальность поставила ленинское большинство в руководстве партии и правительства в двойственное положение, когда оно было вынуждено одновременно пытаться агитировать за сепаратный мир и организовывать оборону Петрограда. По странной иронии, это противоречие позволило Свердлову на заседании 21/22 февраля переключить внимание ВЦИКа с решений о мире на оборону, тем самым облегчив прохождение резолюции, которая, формально одобрив миротворческие усилия Советского правительства, призывала российские массы до последнего защищать революцию.

Однако, не успело это решение войти в силу, как полученные из Германии еще более жесткие условия заключения мира снова вызвали в советском руководстве острые дебаты о войне и мире. В этот момент ленинская угроза отставки с высших постов в партии и правительстве, похоже, оказалась решающим аргументом, заставившим большинство ЦК большевиков одобрить принятие новых германских условий. В то же время, «левые коммунисты» во главе с Бухариным и левые эсеры продолжали выступать резко против сделки с империалистами. Эти глубокие разногласия проявились особенно ярко на историческом заседании ВЦИК ночью 23/24 февраля, на котором сторонники немедленного мира во главе с Лениным одержали — с минимальным перевесом — победу над сторонниками войны. Конечно, одно из главных препятствий на пути к выходу из войны было пройдено. Однако в условиях, когда германские войска

были уже на подступах к Петрограду, а среди большевиков и левых эсеров оставалось значительное количество стойких противников сепаратного мира, новые препятствия были еще впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Новыи ведомости 1918 29 января С 2

2 I N Steinberg In the Workshop of the Revolution — New York, 1953 P 237

3 Социал-демократ 1918 13 февраля С 2

4 Известия 1918 31 января С 3

5 ГАРФ Ф 1235 Оп 18 Д 4 Л 1

6 Красная газета 1918 31 января С 1

7 Знамя труда 1918 30 января С 1

8 См недавнюю биографию Кроуми Roy Bainton Honored By Strangers The Life of Captain Francis Crotie CB DSO — 1882–1918 — Shrewsbury, 2002

9 Классическое произведение Нины Берберовой «Железная женщина, 1892–1974» (Нью-Йорк, 1991), будучи не слишком современным, остается лучшим исследованием, посвященным Муре Бенкендорф. См также превосходный сокращенный перевод этой книги Nina Berberova Moura The Dangerous Life of Moura Budberg Trans by Marian Schwartz and Richard D Sylvester — New York, 2005

10 Hoover Institution Lockhart Collection Box 6 Sidney Reilly

11 1 (14) февраля 1918 г Россия перешла с Юлианского на Григорианский календарь. Далее все даты, если не помечено «ст. ст.» [старый стиль], приводятся по новому стилю

12 По счастью, подробный протокол этой специальной сессии ВЦИК, подготовленный для публикации в 1918 г, но так и не опубликованный, сохранился (см ГАРФ Ф 1235 Оп 18 Д 5 Л 1–25). Моя реконструкция хода заседания основана на этом архивном документе и подкреплена сообщениями в прессе Новая жизнь 1918 15 февраля С 2, Наш век 1918 15 февраля С 2; Знамя труда 1918 15 февраля С 4

13 ГАРФ Ф 1235 Оп 18 Д 5 Л 1–4

14 См выше, глава 1, Декреты Советской власти Т 1 С 39–41, Третий Всероссийский съезд Советов С 43–44

15 ГАРФ Ф 1235 Оп 18 Д 5 Л 4–11

16 Там же Л 11–21, 23

17 Миссия Каменева бесславно провалилась. Высланный из Великобритании почти сразу по прибытии, он был арестован при попытке проскользнуть в Россию через Финляндию финскими белыми и до августа 1918 г пробыв в заключении на Аландских островах

18 Известия 1918 19 февраля С 2

19 По сведениям Свердлова, многие члены правительства, а не только Троцкий, полагали, что после трехмесячного перемирия и русские, и германские солдаты будут не способны сражаться — ГАРФ Ф 1235 Оп 18 Д 7 Л 32

20 Debo Revolution and Survival P 116–120, Z A B Zeman, ed Germany and the Revolution in Russia Documents from the Archives of the German Foreign Ministry — London, 1958 P 274–275, Wheeler-Bennett Brest-Litovsk P 229–232, Gordon Craig Germany, 1866–1945 — New York, 1959 P 391, Trotsky My Life P 386

21 Документы внешней политики СССР — М, 1957 Т 1 С 105, *Майоров С М*
Борьба Советской России за выход из империалистической войны — М, 1959 С 217,
Самойло А. Дни жизни — М, 1958

22 *Trotsky My Life* Р 387–388

23 В петроградских газетах о возобновлении военных действий не было ничего
вплоть до 19 февраля, когда германское наступление уже шло в полную силу

24 Это видно из изданных в тот день, 17 февраля, военных директив, не учитывающих такой вариант развития событий — ЦГА ВМФ Ф Р-342 Оп.1 Д 144 Л 1. Что касается Совнаркома, то сообщение Самойло могло поступить, когда заседание 16 февраля уже закончилось, а заседание, намеченное на следующий день, 17 февраля, судя по архивным источникам, было отменено

25 См ЦГА ВМФ Ф Р-342 Оп 1 Д 20 Л 14

26 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б) С 194–195.

27 Там же С 197–199

28 Сведения об этом заседании исполнены и противоречивы. Моя реконструкция основана на очень кратком протоколе (РГАСПИ Ф 19 Оп 1 Д 64) и заметках в газетах *Новая жизнь*. 1918 20 февраля С 3, *Вечерняя звезда* 1918. 19 февраля С 1, *Новый день* 1918 20 февраля С 3, *Новый вечерний час* 1918 20 февраля С 1, *Новый луч* 1918 20 февраля С 1, *Новые ведомости* 1918 19 февраля С.1; *Петербургское эхо* 1918 19 февраля С.1, 20 февраля. С.1; *Красная газета* 1918 20 февраля С.1.

29. Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б) С 200–205 См также *Петербургский голос* 1918 21 февраля С.2, Владимир Ильин Биографическая хроника. Т.5 С 263

30 *Новая жизнь*. 1918 20 февраля С 3.

31 *Русские ведомости* 1918 21 февраля С 2, *Петербургское эхо* 1918 19 февраля С 1

32 *Новая жизнь* 1918 21 февраля С 3, *Новый день* 1918 20 февраля С 3, *Наши ведомости* 1918 20 февраля С 2; *Русские ведомости* 1918 21 февраля С 2, *Петербургский голос* 1918 21 февраля С 2

33. *Петербургский голос* 1918 21 февраля С 2

34 *Петербургский голос* 1918 21 февраля С 2, *Новый день* 1918 21 февраля С 3

35 *Социал-демократ*. 1918 20 февраля С 2, *Петербургское эхо* 1918 19 февраля С 1

36 ГАРФ Ф 1235. Оп 33 Д 10 Л 1

37 Протоколов заседаний большевистской и левоэсеровской фракций ВЦИК за этот период, как отдельных, так и совместных, в российских архивах найти не удалось. Наиболее подробные описания заседаний 19–20 февраля в прессе см. *Наш век* 1918 21 февраля. С 2, *Новый день* 1918 21 февраля С 3; *Новая жизнь* 1918 20 февраля С 3, 21 февраля С 2, *Социал-демократ*. 1918. 21 февраля. С 2–3.

38 *Коммунист* 1918 14 марта С 2

39 Эти цифры приведены Свердлов на Седьмом съезде партии в начале марта 1918 г — Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). С 4.

40 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 7 Д 814 Л 12–17, *Коммунист* 1918 5 марта С 4

41 В качестве примера увлекательного исследования судеб известных и влиятельных большевиков, в том числе нескольких петроградских ответственных организаторов, см. *Barbara Evans Clements Bolshevik Women* — Cambridge, 1997

42 См протоколы заседаний Собрания организаторов за март, апрель и июнь в ЦГАИПД Ф 1 Оп 1 Д 66 Л.1–25, 50–33 и Ф 4000 Оп.7 Д 814 Л 1–81. Собрание организаторов функционировало, по крайней мере, до 25 декабря 1918 г. этой датой помечен последний найденный в архивах протокол заседания

- 43 Протоколы заседаний Десногорского совета за апрель–июль 1918 г см ЦГАИПД Ф 4000 Оп 7 Д 820
- 44 Коммунист 1918 5 марта С 4, Правда 1918 19 февраля С 4
- 45 ЦГАИПД Ф 12 Оп 1 Д 4 Л 1об, Коммунист 1918 5 марта С 4, Наш век 1918 21 февраля С 2, Русские ведомости 1918 21 февраля С 2
- 46 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) С 209–210
- 47 Новая жизнь 1918 21 февраля С 2 Третья конференция петроградских левых эссеев немедленно одобрила этот поворот — Знамя труда 1918 26 февраля С 1
- 48 Наш век 1918 21 февраля С 2
- 49 Там же См также Озубишин Д В От Бреста до Юрьева — М, 1966 С 88
- 50 Ильин-Женевский Большевики у власти С 29–30
- 51 РГАСПИ Ф 19 Оп 1 Д 65 Л 1
- 52 Новая жизнь 1918 23 февраля С 3
- 53 РГАСПИ Ф 19 Оп 1 Д 66 Л 1об — 2, Наш век. 1918 22 февраля С 2
- 54 Известия 1918 22 февраля С 2–3, Новый вечерний час 1918 22 февраля С 2, Наш век 1918 22 февраля С 3
- 55 Ступченко Л В брестские дни — М, 1926 С 10–12
- 56 Наш век 1918 22 февраля С.3; Известия 1918 22 февраля С 3, Новый вечерний час 1918 22 февраля С.2
- 57 Замечательно точно описано почти тотального хаоса в войсках дано в докладе комиссара Красной армии См РГАСПИ Ф 146. Оп.1 Д 169 Л 30
- 58 Известия 1918 22 февраля С.3. Как считал Свердлов, этот комитет должен был иметь исключительные полномочия. — ГАРФ Ф 1235 Оп 18. Д 8 Л 40
- 59 По этому поводу см Фрайман А Л Революционная защита Петрограда в феврале–марте 1918 г — М –Л, 1964 С 82 Первыми членами Комитета революционной защиты Петрограда стали большевики Зиновьев, Свердлов, Лашевич, Володарский и Залуцкий, а также левые эсеры Яков Фишман и Михаил Левинсон Впоследствии его состав был расширен и включал в себя одного представителя Наркомата по военным делам, всех пятерых членов Чрезвычайного штаба Петроградского военного округа, сформированного ранее в тот же день (21 февраля), пять представителей ВЦИК и по два члена от большевистской и левоэсеровской партий — Правда. 1918 23 февраля С 2
- 60 ГАРФ Ф 1235 Оп 18 Д 7 Л 32–41, РГАСПИ Ф 86 Оп 1 Д 76 Л 1–15
- 61 ГАРФ Ф 1235 Оп 18 Д 7 Л 30–32
- 62 Там же Л 39
- 63 Там же Л 37
- 64 Там же Л 34–38
- 65 Там же Л 38
- 66 Наш век 1918 24 февраля С 2
- 67 *Debo Revolution and Survival* P 142, *Wheeler-Bennett* Brest-Litovsk P 255–257
- 68 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) С 211–218
- 69 Там же С 216
- 70 Там же.
- 71 Владимир Ильич Ленин Биографическая хроника Т 5 С 274 Текст самой записи см Ленинский сборник Т 11 С 27
- 72 Ступченко Указ соч С 18–19
- 73 Конспект ленинской речи см Ленин В И Полный собр. соч Т 35 С 372
- 74 Ступченко Указ соч С 24
- 75 Наш век 1918 26 февраля С 2

76 Ступченко Указ соч С 27

77 ГАРФ Ф 1235 Оп 18 Д 8 Л 91–110, Наш вск 1918 26 Февраля С 2

78 ГАРФ Ф 1235 Оп 18 Д 8 Л 101

79 Там жс Л 99. 102

80 Там жс Л 95–97

81 Там жс Л 97–98, 103–104, Наш вск. 1918 26 февраля С 2

82 Цифры относительно количества участников этого заседания расходятся 230 соответствует общему числу поданных голосов В том, что у большевиков не было большинства, сомнений быть не может См данные о количестве присутствующих по фракциям и о распределении голосов по партийной принадлежности ГАРФ Ф 1235 Оп 18. Д 8 Л 70, 109–110

83 В 1924 г некоторые бывшие «левые коммунисты» признались, что Камков тогда подходил к Бухарину и Пятакову и предлагал им порвать с Лениным, образовать лево-коммунистическое большинство в своем ЦК и объединиться с левыми эсерами для формирования нового, «антибрестского», правительства Бывшие «левые коммунисты» заявили, что предложение Камкова было высказано между прочим, и они не восприняли его серьезно — Правда 1924 3 января С 5 Возможно, это было и так, однако сомневаться в серьезности предложения Камкова нет оснований

84 Наш вск 1918. 26 февраля С 2–3

85 Свердлова К Т Яков Михайлович Свердлов — М, 1960 С 350

86 ГАРФ Ф 1235 Оп 18 Д 8 Л 109–110

87 Ленин В И Полн собр соч Т 35 С.381